

Новое Литературное Обозрение

•

ENG / РУС

- [Свежий номер](#)
- [Архив номеров](#)
- АНТРОПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПСИХОЗА • [Информация для авторов](#)
- [Редакция журнала](#)
- Гасан Гусейнов • [Подписка, контакты](#)

[e-mail](#)

Нежный август,

ИЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА

- [Свежий номер](#)
- [Архив номеров](#)
- [Редакция журнала](#)
- [Подписка, контакты](#)

- [Свежий номер](#)

Цезарь, Август, Тиберий, Калигула,
Клавдий, Нерон...

Сам собой этот перечень лег в
стихотворную строчку.

О, какой безобразный, какой
соблазнительный сон!

Поиграй, поверти, поддержи на руке,
как цепочку.

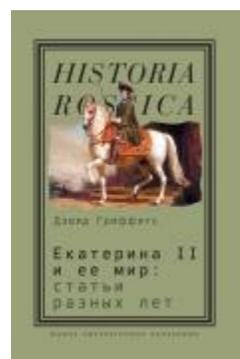
В стихотворении Александра Кушнера
сплелись три традиции. Одна —
астрономическая, шестой месяц римского
календаря стал именоваться в честь
императора — августом; у этой традиции
некоторое время назад случился юбилей:

Преимущество наше огромно, в две
тысячи лет.

Чем его заслужил я, — никто мне не
скажет, не знаю.

Словно мир предо мной развернул

- [Архив номеров](#)
- [Редакция журнала](#)
- [Подписка, контакты](#)

свой узор, свой сюжет,
И я пальцем веду по нему и вперед
забегаю.

Другая, чуть помоложе,
историко-филологическая, привязанная к
книге — «Жизни двенадцати цезарей»
Светония: по случайности число цезарей
совпадает с числом месяцев в году.

Вот теперь наконец я запомню их всех
наизусть.

Я диван обогнул, я к столу
прикоснулся и стулу.

На таком расстоянье и я никого не
боюсь.

Ни навету меня не достать, ни хуле,
ни посулу.

Наконец, третья — русская поэтическая традиция. За последним двестишием строфы — ироническое напоминание, что самые страшные события происходят все-таки не вне нынешнего времени, то есть не в Риме. Описывая свои шаги по комнате, поэт ищет подтверждения собственному существованию. Этой тактильной связью со своей уютной реальностью — диваном, столом и стулом — он обороняется от истории, но и подталкивает нас к русскому литературному топосу августа, опорные точки которого хрестоматийны — от «воспоминаний» о «прекрасных чертах Цезаря» у Осипа Мандельштама до вышедшего из всяких берегов постахматовского августа как месяца национального траура и вселенских катастроф.

Память поколения и обезличенная память носителя языка сходятся в пучок, когда в потоке поэтической речи появляется слово или словосочетание, оживляющее память личную. Одну из возникших по такому

случаю принудительных ассоциаций я и хочу разобрать.

«Этот теплый и щедрый месяц, как правило, радует нас обильным урожаем и заметным снижением цен на дары природы...» [Ш](#)

В рамках одного русско-немецкого проекта мне довелось прочитать книгу, до которой в нормальных обстоятельствах никогда не дошли бы руки. Речь идет о произведении Антона Семеновича Макаренко «Книга для родителей», впервые опубликованном в 1937 году. Книга едва ли не самого авторитетного педагога едва ли не самого жестокого русского века выдержала несколько изданий, и число людей, прочитавших ее в добровольно-принудительном порядке,

измеряется миллионами. Когда-то в середине шестидесятых, школьником, я читал книги Макаренко для детей и теперь был уверен, что повествование «для родителей» будет компактнее, жестче, идеологичнее.

В книге А.С. Макаренко меня интересовала тема личности. Я понимал, что она будет всецело подчинена идеям торжества коллектива, и Макаренко этих ожиданий не обманул. Но его книга оказалась намного богаче и современнее^[2].

Личность разобрана здесь во всех аспектах и фазах — от становления, или изготовления, до употребления, или расходования, ее обществом. В очерках, составляющих книгу Макаренко, присутствует сквозная мысль, что семья — это не просто коллектив, а именно трудовой коллектив, и у него имеется продукт — личность, подготовленная к жизни в новом обществе при социализме. Ключевой для

иллюстрации этой мысли можно назвать цитату из наследия «сталинского платонизма»: она одна набрана в книге вразрядку, хотя и без указания источника: «Вспомните слова гениального садовника, товарища Сталина: "Людей нужно заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево"» Поскольку не все это понимают, «родители поступают так, как поступают все бракоделы: плоды сдаются обществу как готовая продукция... Товарищи родители! Между нами: среди нашей педагогической братии процент семейных бракоделов несколько не меньше, чем у вас» (с. 37; в издании 1988 года пассаж отсутствует).

Второй аспект — это представление о личности как об интимной, скрытой, внутренней стороне человека, которая может находиться в конфликте с его «гражданской» стороной, и тогда эта личность — враг, хотя и воспитанный в недрах семьи. Для того чтобы не сформировать «преступную» (с. 129), «враждебную» (с. 32, 303, 308) или

«неполноценную» (с. 129) личность, для того чтобы не «изуродовать личность» и не «погубить ее надежды» (с. 59), в семье должна воцариться «культура социальной личности» (с. 238). В отличие от нормативных текстов эпохи, которые охотно, но скорее снисходительно полемизируют с русскими писателями и философами досоветского времени, Макаренко прямо противопоставляет советскую концепцию личности учению о добре В.С. Соловьева и человеческой натуре в изображении Ф.М. Достоевского. Задача «культуры социальной личности» — освободить человека от двух высших ценностей — беспричинной любви и беспредпосылочного добра — и от одного низменного свойства — жадности: именно эти ценности и это свойство ответственны, по Макаренко, и за все эксцессы «ярких личностей», и за безропотность маленького человека:

В дни нашей молодости нас призывали к добру батюшки, о добре писали философы. Владимир Соловьев

посвятил добру толстую книгу.
Несмотря на такое внимание к этой теме, добро не успело сделаться привычным для людей, обыденным предметом и, собственно говоря, было только помехой и хорошей работе, и хорошему настроению. Там, где добро осеяло мир своими мягкими крыльями, потухали улыбки, умирала энергия, останавливалась борьба, и у всех начинало сосать под ложечкой, а лица принимали скучно-кислое выражение. В мире наступал беспорядок (с. 101).

«Требую от личности ликвидации жадности», говорит Макаренко, в конструировании «культуры социальной личности» с логической неизбежностью приходишь к формуле: «В диалектике чувств социалистического общества любовь никогда не может быть основанием человеческого поступка. Это христианская композиция.

<...> В нашем обществе беспричинная, ни на чем не основанная любовь является безнравственной и чуждой нам категорией» (с. 357). Продуктом «культуры социальной личности» должна, согласно Макаренко, стать личность как «нормальное явление», умеющее подчиняться долгу или «семейному распоряжению», которое отдает главный садовник в семье — отец, а в его отсутствие — мать, поддерживаемая трудовым коллективом. Именно способность принять «распоряжение» и есть, согласно Макаренко, фундаментальный признак личности как нормального явления^[3].

Третий аспект теории личности — подготовка к ее слиянию с коллективом. В этом пункте Макаренко, претендующий на художественность повествования, дает историку общественной мысли особенно ценный материал для антропологической реконструкции. В очерке о семье Коробовых^[4] выведена скромная труженица-мать, заведующая заводской библиотекой Вера Игнатьевна, и ее дочь,

студентка архитектурного института Тамара, франтиха и белоручка. Наблюдающий за семьей Андрей Климович Стоянов, фрезеровщик с богатым революционным прошлым, вскрывает недочеты воспитательной работы матери и, явившись в дом к Коробовым, заявляет, что вместо нормального члена общества Вера Игнатьевна «бездеятельно и пассивно высиживала врага». Андрей Климович называет дочь хозяйки «говном», «дрянью» и «вражеским элементом», после чего заявляет Тамаре, что «в восемнадцатом году таких барынь видел». В ответ на осторожные возражения матери фрезеровщик предлагает экстраполировать потребительское отношение дочери к матери на отношение Тамары к советской власти. Эти слова стали решающими. Стоянов, оказывается, питает симпатию и к матери, и к дочери. И сформулировав свою главную претензию, он добивается поистине чудесного преобразования «говна» и «дряни» в образцового члена семьи как трудового коллектива. Тамара, никогда не подходившая

к столу и к раковине, чтобы убрать и вымыть посуду, не говоря уже о других заботах по хозяйству, в мгновение ока становится добропорядочной труженицей семейного коллектива. Плакатно-карикатурный эпизод содержит все же более богатую информацию о «культуре социальной личности», чем наивная вера патентованного воспитателя в чудодейственную силу слова. На стыке педагогического памфлета с художественным очерком прочитывается единственная рациональная мотивация матери и дочери: страх перед той или иной формой идеологического наказания — исправления плодового дерева более опытными садовниками, чем интеллигентная мать-библиотекарь. Вера Игнатъевна понимает, что ей предстоит «усовершенствовать воспитательную работу в семье». А именно, опасное для нее самой и для ее дочери «высидивание врага» Вера Игнатъевна должна заменить теми отношениями, что имеют место у нее на работе, где она неустанно и строго воспитывает молодых сотрудниц в духе

долга и где «между долгом и радостью такая нежная [sic!] гармония» (с. 311). Однако в подтексте этого «усовершенствования», как и «преображения» дочери из белоручки в труженицу, особые социальные условия государства, в котором «общественникам» стояновым дано право быть садоводами в семьях сослуживцев.

В очерке о семье Коробовых Макаренко пытается показать, что личность можно спасти для общества, вовремя заставив этот «интимный» и «нежный» материал подчиниться правильному «распоряжению» в интересах общего блага, в интересах коллектива. Но для этого рядом с формируемой детской личностью или с нестойкими личностями родителей ему приходится показывать и личность иную — того самого авторитетного садовника. Обычно это наделенный добрыми усами простой человек, «нежный», но непреклонный внутри и твердый, но гибкий снаружи. Как и в других очерках книги, сегодня — это добрейший человек, которому

вчера приходилось быть непомерно суровым. Особое качество, особую закалку такой личности Макаренко подчеркивает всякий раз по-новому. Сверхчеловеческие свойства Стоянова передаются так:

Другие фрезеровщики его фамилию произносили не иначе, как в двойном виде:

- Сам-Стоянов.
- Даже-Стоянов.
- Только-Стоянов.
- Ну!-Стоянов.
- Вот-Стоянов (с. 279).

Микрокульт авторитетной личности оказывается неустранимым препятствием на пути чаемой деперсонализации социума. Читателю исключительно трудно поверить, что Макаренко не осознавал неустранимости описываемого противоречия. Загадкой творческого акта остается, например,

портрет Стоянова, в котором снова соединились плакат и карикатура: «Он сидел на табурете, широко расставив ноги, разложив на коленях волосатые руки, и со сдержанной хитровой улыбкой наблюдал. Сейчас его усы не кучерявятся над нежной улыбкой, а нависли торчком, и вид у них такой, как будто они и не усы вовсе, а придирчиво-острое оружие» (с. 306). В сочетании с таким же лукавым в его симулируемом антиинтеллектуализме рассуждением этого персонажа о Достоевском^[5] выплывают две странные для советского человека категории — «нежность» и «жалость»^[6].

Это измерение личного дискурса представлено в пластических искусствах и в детской книге эпохи^[7]. Но возникает большой вопрос: что делает в личном микролексиконе Макаренко слово «нежность»? Выведем сначала на одну страницу оставшиеся контексты:

1. Человек давно научился осторожно и нежно прикасаться к природе.

2. Пацан этот — актер, я таких много видел. На его физиономии хорошо сделано горе, сделано из взятых напрокат, вероятно, в кино, стариковских мимических материалов: брови сдвинуты, нежные мускулы лба сложены в слабосильную складку.

3. Во время работы Маруся нежно приговаривала:
— С гвоздиком... Без гвоздика... С гвоздиком... Три гвоздика... А эта... без гвоздика... А эта с гвоздиком...

4. Вера подняла на него прекрасные большие глаза и улыбнулась нежно и трогательно.

5. А здесь еще была и селедка. Она не была уложена в парадной шеренге на узенькой специальной тарелочке, и кружочки лука не обрамляли ее нежным почетным эскортом,

вообще в ней не было ничего манерного.

Здесь она красовалась в буйном изобилии до самых краев глубокой тарелки с красным ободком. И белые сегменты лука были перемешаны с ней в дружном единении, облитом подсолнечным маслом.

6. На больших блюдах из тонкой лозы принесены были два коржа, диаметром каждый не меньше полуметра. Я и раньше встречал такие коржи, и всегда они потрясали меня своим великолепием. Очень возможно, что они задевали нежные национальные струны моей украинской души. Это были знаменитые «коржи з салом», о которых сказано в народной мудрости: «Навчить бца з салом коржи кти» [sic!].

Сало вкрапляется в тело коржа редкими кубиками, и вокруг них образуется самое приятное, влажное и солоноватое гнездышко, наткнуться на которое и раскусить составляет истинную сущность

гастрономического наслаждения. Верхняя поверхность коржа представляет необозримую равнину, кое-где белого, кое-где розового цвета, а на равнине там и сям разбросаны нежные холмики, сделанные из сухой тонкой корочки. Корж «з салом» нельзя почему-то резать ножом, а нужно разламывать, и его горячие слоистые изломы составляют тоже одну из неповторимых его особенностей.

Семья Веткиных встретила коржи возгласами восхищения...

7. Нина Васильевна слушала мужа, ощущала легкое движение его плеча, когда он подымал руку, видела кончик мягкого, нежного уса, и картина красивой детской компании закрывалась туманом...

8. Исчезла ее милая насмешливость,

спокойные мягкие линии лица перешли в строгий красивый каркас, серые глаза потеряли блеск и влажность и стали более

чистыми и прозрачными. Он задумался над этим и нашел объяснение: жизнь протекает, и уходит молодость, а с нею уходят красота и нежность линий...

9. Та глубокая нежность, которая когда-то рисовала в воображении большую, веселую семью, теперь переключилась на заботу о Викторе...

10. От любви сохранились нежность, милое чувство товарищеской благодарности и дружеская простота...

Итак, слово «нежный» употребляется в значениях «подвижно-пластичный», «впечатлительный», «наивно-открытый», «мягкий», «влажный» и «вкусный», «слабый» и «пригодный к употреблению».

Особенно ценен для уяснения

макаренковской «нежности» обширный пассаж о коржах. Здесь соответствующим эпитетом наделены две метафорические сущности: собственные «струны украинской души» и «сухая тонкая корочка», которая видится автору «нежными холмиками».

Автор с удовольствием назвал бы «нежными» и те самые вкусные части «тела коржа», в которые «сало вкрапляется редкими кубиками, и вокруг них образуется самое приятное, влажное и солоноватое гнездышко, наткнуться на которое и раскусить составляет истинную сущность гастрономического наслаждения».

А как понять выражение «нежные струны украинской души»? Имеет ли в виду Макаренко, что эта душа особенно чувствительна, или, как сказал бы сам автор, знающий слова «эскорт» и «манерный», обладает эмпатией, иначе говоря, сочувствует описываемым лицам? Нет, это значение не следует из приведенных пассажей. Наоборот, нежным названо только то, что доставляет говорящему «истинную

сущность наслаждения». «Нежность», иначе говоря, не отношение к другому, а только его потребительское, даже вкусовое, свойство по отношению к говорящему.

Эстетическое отношение художника слова к действительности проявляется и в описании другого гастрономического впечатления — селедки с луком. Макаренко противопоставляет два способа представления этого блюда едоку. Один — официальный, манерный, то есть почти мещанский, когда куски селедки «на узенькой специальной тарелочке» сопровождает «нежный эскорт белых кружочков лука». Для читателя тридцатых годов этот образ был сразу понятен: «нежно эскортировать» кого бы то ни было могли только милиционеры в белых гимнастерках и белых шлемах. Этот не страшный, но все же официальный эскорт здесь, в «дружеской простоте» семьи Веткиных, не нужен, и нарезке «кружочками» противопоставлена более щедрая нарезка лука «сегментами», «перемешанными с ней (селедкой. — Г.Г.) в дружном единении,

облитом подсолнечным маслом».

Садоводчески-пищевой подход

наблюдательного писателя к общественной

жизни представляет собой, таким образом,

следующую фазу в развитии платоновской

метафоры законодателя как садовника и

воспитателя. Теперь она додумана до конца.

На смену садовнику приходит повар-гурман.

«Найти, раскусить влажное солоноватое

гнездышко» и с наслаждением знатока

употребить всю эту «нежность линий»,

тихонько покалывая ее на вид колючими, а

на деле нежными усами, — это и значило

для автора настроить «нежные струны

украинской души» на переосмысление

сельскохозяйственных мероприятий

советского правительства конца 1920-х —

начала 1930-х годов.

Предметно-физиологическая метафорика,

однако, шире чисто гастрономической.

Рассуждая о социалистическом коллективе,

Макаренко так отвечает на вопрос, из кого

этот коллектив должен состоять:

Социалистическое общество основано на принципе коллективности. В нем не должно быть уединенной личности, то выпяченной в виде прыща, то размельченной в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива. В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива^[8].

В книге для родителей есть и другие эпизоды пристального разглядывания «мотивационной натуры» личности, тактильно-гастрономические переживания которой определили жизненный путь человека от прыща до придорожной пыли. Противоречие снимается тем, что правильно

нежной личность становится в момент ожесточения. Эта внутренняя ожесточенность проявляется в семье Веткина, где Ванька, один из тринадцати детей, отказывается жить у богатого дяди-нэпмана. На гастрономическом горизонте вкус жареной картошки с маслятами, собранными собственноручно, противопоставлен неизвестному Ваньке вкусу балыка и других деликатесов. Автор книги, позиционировавший себя как человек, не лишенный сентиментальных представлений о старой семье, берет уроки семейного мастерства не столько у взрослых, сколько у детей — детей нового времени, гораздо более суровых, чем их родители. Семья для них — предварительная кузница кадров или селекционная сельхозлаборатория, изготовленная в которой личность должна быть подобна плоду — нежному и податливому снаружи, а твердому как раз внутри.

Д.Г. Бычков в своем исследовании советской педагогической политики подчеркивает, что

Макаренко должен был справиться с задачей, поставленной перед советскими педагогами НКВД: «Противодействовать преступности беспризорных детей, для чего и было поручено создать специализированные детские учреждения — колонии»^[9].

Это целеполагание предопределило

совпадение символического и буквального в метафорике Макаренко, который противопоставляет образ детей как срезанных «цветов жизни» (быстро превращающихся в сено) образу детей как «яблоневого сада» и, вместе с тем, «самих яблок». Короткое замыкание, которое возникает при додумывании этого образа до конца, не смущает ни автора, ни его читателей. В первой главе «Книги для родителей» Макаренко вполне отчетливо говорит о том, что общество, собственно, намерено сделать с плодами садовода:

Что может изменить садовник в этой кропотливой работе жизни? Не должен

ли он бессильно и покорно ожидать,
пока созреют плоды, чтобы
кощунственной и наглой рукой
похитителя сорвать их и сожрать? Так
именно и делают дикари где-нибудь в
трущобах Огненной Земли. И так делают
многие родители. Но так не делает
настоящий садовник.

Человек давно научился осторожно и
нежно прикасаться к природе. Он не
творит природу и не уничтожает ее, он
только вносит в нее свой
математически-могучий корректив; его
прикосновение, в сущности, не что
иное, как еле заметная перестановка сил.
Там подпорка, там разрыхленная земля,
там терпеливый зоркий отбор. Наше
воспитание такой же корректив. И
поэтому только и возможно воспитание.
Разумно и точно провести ребенка по
богатым дорогам жизни, среди ее цветов
и сквозь вихри ее бурь, может каждый
человек, если он действительно захочет
это сделать (1988, с. 11).

Макаренко уверен, что из его

беспризорников будут выращены более правильные дети, чем в любой семье. Он объясняет это тем, что в каждой семье неизбежно наступает момент, когда приходится выбирать приоритеты для своего чада. Такая семья не хочет, чтобы чадо взбунтовалось против нее ради интересов общества, и потому инстинктивно крадет у общества законно принадлежавшего ему члена. В буржуазной семье, «где властвовали всемогущие зоологические инстинкты и беспокойство, где на глазах копошились живые, неоспоримые потомки, здесь именно несправедливый, кровожадный и бессовестный строй, отвратительное лицо которого нельзя было прикрыть никаким гримом, выступал почти с хулиганской бесцеремонностью. И его моральные противоречия, его практический, деловой цинизм казались оскорбительными для

детской ясной сущности» (1988, с. 52).

И именно в этой точке в семейную жизнь (например, Коробовых) должен войти надзирающий общественник (например, Стоянов), солидарный с ребенком, требующим «ясной сущности», и «подрезающий» сухие ветки у ребенка, выбравшего дурной путь. По мнению Макаренко, серьезная проводка нужного стране ребенка «по богатым дорогам жизни» в традиционной семье, особенно малодетной, едва ли возможна. Ведь в такой семье, «как только редет толпа, как только папаша с мамашей останутся в интимном семейном кругу, как только встанут перед ними вопросы воспитания детей, так немедленно появляются на сцену и оба приятеля: и аккуратный, чисто выбритый, благостный и сияющий бог, и неряшливый, с гнилыми зубами, нахально ухмыляющийся — дьявол. Первый приносит "идеалы", у второго в кармане звенят деньги — вещь не менее приятная, чем "идеалы"» (1988, с. 52).

Советская колония для сирот не должна бояться ни бога, ни черта — этих представителей буржуазной семьи. Вот почему и книга Макаренко, и — шире — советская политическая практика построены на поддержке детей, представляющих в семье «интересы общества» в широком диапазоне, — от Ваньки Веткина, который без слов «поправляет» своего отца и отказывается от высокооплачиваемой трудовой жизни у состоятельных родственников, до Леньки Бычкова, который грубо обрывает своего папашу — кустаря-плотника Михаила — за то, что тот всем похож на пролетария — и трудится не покладая рук, и беден, да только не пролетарий, не живет одной жизнью с коллективом. Поэтому в ответ на жалобы Бычкова, что местные большевики слишком поздно и неловко взялись за спасение города от наводнения, сын Ленька героически заявляет:

— Хоть ты и отец, а сказал чепуху.

Это еще не Павлик Морозов, но это — предтеча нового поколения, в котором «сын не будет отвечать за отца». Чтобы такая операция стала возможной, Макаренко и выдвигает концепцию нежности для успеха отторжения «ясного ребенка» от «лицемерной буржуазной семьи».

Потребность в своеобразной нежности испытывают и «стояновы», прячущие сами от себя воспоминания о Гражданской войне.

Новый мотив умиротворения и наступления золотого века звучит и для Веры Игнатьевны Коробовой, которая понимает, что ее выбор — либо уступить давлению Стоянова, принять в подарок от «трудового коллектива» платье, которое не смогла бы носить ее дочь, либо стать в глазах «всех» изгоем: «Это же математика: подарить время ребёнку, — значит сесть дома, отойти от жизни, собственно говоря, сделаться мещанином» (1988, с. 8). А сделаться «мещанином» Вера Игнатьевна не хочет. Стало быть, ради более

прочного союза с «коллективом» Коробовым предлагается чуть-чуть ослабить мещанские семейные узы, матери — отдалиться от любимой дочери, как бы со стороны наблюдая «нравственную работу», которую ведет с ее «белоручкой» Стоянов.

К 1937 году — году двадцатилетия Октября — окрепла риторика наступления «золотого века». Она питалась уже не революционным пафосом, с его анархизмом, проповедью свободы и «сверхчеловеческими симпатиями к неряшливости быта», самой мрачной стороной которых и было беспризорничество двадцатых. Макаренко сумел, как ему казалось, превратить колонии беспризорников в идеальный материал для выращивания «нового человека». Но, как показано в диссертации Д.Г. Бычкова, на этом пути создатель колонии имени Дзержинского зашел слишком далеко и начал набирать в колонисты детей, «переманиваемых» из семей: «Результатом такой логики проекции является то, что, в частности, семья лишалась своего

собственного воспитательного и — шире — психологического и социального смысла и значения, который у нее на тот момент был (или, хотя бы, мог быть)»^[10].

Оправдываясь в таком перегибе, Макаренко в седьмой главе «Книги для родителей» показывает, где для него пролегает граница, дальше которой уходить от семьи к «новому человеку» он не намерен. Глава, посвященная «воспитанию интимного отношения к вопросам пола», начинается с эпиграфа из Лукреция, свежий перевод которого только что опубликовал Ф.А. Петровский: «На умощенных ногах сикионская обувь сверкает, / Блещут в оправе златой изумруды с зеленым отливом. / Треплется платье у них голубое, подобное волнам, / И постоянно оно пропитано потом Венеры»^[11].

Певец естественнонаучного знания, почитаемый в СССР как материалист и атеист, Лукреций берет на себя самые трудные для обсуждения у Макаренко слова

о «треплетом ветром платье» любовницы,
которое «постоянно пропитано потом
Венеры». А завершает Макаренко главу
полемикой со стихотворением
современника, предлагающего раннему
советскому обществу смотреть на семью и
упорядоченность в половой сфере как на
явление устаревшее. Вадим Стрельченко
опубликовал в «Красной нови» за 1937 год
стихотворение «Не в дому рожденному», где
рассказано о родах прямо под открытым
небом, на простой советской улице.
Завершается оно такими строфами:

Не в дому рожденный! Если уж
пришлось, —
Полюби ты улицу до седых
волос!
Взгляды незнакомые, нежные
слова
Навсегда запомни,
крошка-голова!

Не в дому рожденный! Не жалея
потом:

Ну, — рожден под солнцем, не
под потолком!
Но пускай составят твой
семейный круг
Сотни этих сильных братьев и
подруг.

Макаренко отмежевывается от такой
площадной коллективности, а «нежные
слова», «не имеющие никакого смысла и
значения», для него «такие же дешевые, как
поцелуи поэта». Попытка найти «золотую
середину» между Лукрецием и Вадимом
Стрельченко и смоделировать «золотой век»
советской семьи недалекого будущего была
предпринята, вероятно, в наименее
благоприятную эпоху в истории России и, во
всяком случае, СССР.

Тактильно-гастрономический концепт
репрессивной «нежности» сталинской эпохи
оказался, однако, более живучим, чем

вытеснивший его в 1950— 1960-е годы «оттепельный вариант», или «нежность с человеческим лицом», — от кинофильмов «Нежность» и «Три тополя на Плющихе» до песни «Нежность», написанной Александрой Пахмутовой на стихи Николая Добронравова и на мотив «Сентиментальной сарабанды» Бенджамина Бриттена. В середине нулевых годов XXI века объединение «Айсберг» из поселка Ужовка Нижегородской области начало производство пельменей под названием «Сталинские нежные». Девиз на упаковке — «Жить стало лучше, жить стало веселей» — не оставляет сомнений, что название не случайно и не парадоксально.

Какое бы ни было намерение производителей и рекламщиков и каким бы ни был источник их вдохновения (стеб,

политический вызов, шутка), шум, поднятый в СМИ^[12], свидетельствовал об актуализации

как раз той проблематики, о которой мы читаем в «Книге для родителей» 1937 года.

Перечитав Макаренко, нам легче вернуться к источнику переживаний Александра

Кушнера (2000), отзывающихся вначале эхом
Светония и Манделштама (1915), а в конце
— эхом сонета Бальмонта (1897):

Как ясен август, нежный и
спокойный,
Сознавший мимолетность
красоты.
Позолотив древесные листья,
Он чувства заключил в порядок
стройный...

Стройностью порядка, принудительностью
наступления урожайного месяца августа поэт
возвращает нас в самую сердцевину
макаренковской «нежности», испарывая
«холмик» ее исторической семантики:

Топча по осени дубовые листья,
Что густо стелются пустынною
тропинкой,
Я вспомню Цезаря прекрасные

черты —
Сей профиль женственный с
коварною горбинкой!
Да будет в старости печаль моя
светла:
Я в Риме родился, и он ко мне
вернулся;
Мне осень добрая волчицею
была
И — месяц цезарей — мне
август улыбнулся.

[1] Белая Е. Месяц несчастий // Владимирский электронный дайджест. 24.08.2009 (<http://www.vladimironline.ru/crime/id543>).

[2] Поскольку при переизданиях Макаренко с 1937 по 1988 год из

книги выпадали некоторые
ключевые цитаты, нам приходится
пользоваться разными изданиями.
При этом не оговариваются ссылки
на издание: Макаренко А. С. Книга
для родителей. М.: Учпедгиз, 1950.
В отдельных случаях используется
более позднее издание (М.:
Педагогика, 1988), ссылки на
страницы которого даются с
указанием года и номером
страницы; благодарю за помощь
Екатерину Бут).

[\[3\]](#) Не самодурство, не гнев, не крик,
не мольба, не упрашивание, а
спокойное, серьезное и деловое
распоряжение — вот что должно
внешним образом выражать технику
семейной дисциплины. Ни у вас, ни
у детей не должно возникать
сомнения в том, что вы имеете
право на такое распоряжение, как
один из старших, уполномоченных
членов коллектива. Каждый

родитель должен научиться отдавать распоряжение, должен уметь не уклоняться от него, не прятаться от него ни за спиной родительской лени, ни из побуждений семейного пацифизма. И тогда распоряжение делается обычной, принятой и традиционной формой, и тогда вы научитесь придавать ему самые неуловимые оттенки тона, начиная от директивы и переходя к тонам совета, указаниям, иронии, сарказма, просьбы и намека. А если вы еще научитесь различать действительные и фиктивные потребности детей, то вы и сами не заметите, как ваше родительское распоряжение делается самой милой и приятной формой дружбы между вами и ребенком» (с. 231).

[\[4\]](#) Макаренко А.С. Книга для родителей. С. 287—316.

[\[5\]](#) Достоевского не люблю.

Говорят, хороший писатель, а я не люблю. Такого про человека наговорит, стыдно читать. Ну, скажем, этот самый Раскольников. Убил он старушенцию, за это суди и взгрей как следует. А тут тебе на! — целый роман написал! И что же вы думаете! Читаю, читаю, а мне уж его и жалко стало и зло берет: за что жалею, а все потому, что пристали к человеку, спасения нет» (с. 280).

[6] Другая чуждая советскому человеку логико-метафорическая двойчатка — «сестры — тяжесть и нежность» — разобрана Осипом Мандельштамом и многократно обсуждалась впоследствии.

[7] См.: Sunny side of darkness: Children's literature in totalitarian and post-totalitarian Eastern Europe: collection of articles / J. Webb (Ed.). Tallinn: TLU Kirjastus, 2005. P. 261.

[\[8\]](#) Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. / Сост.: М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. М.: Педагогика, 1986. Т. 4. С. 47. Цит. по: Бычков Д.Г. Механизмы формирования личности в контексте семейной идеологии агентов общественного воспитания. Дисс. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2005. С. 113. Благодарю Илью Кукулина за указание на эту работу и другие ценные замечания.

[\[9\]](#) Бычков Д.Г. Указ. соч. С. 52.

[\[10\]](#) Бычков Д.Г. Механизмы формирования личности в контексте семейной идеологии агентов общественного воспитания. С. 11.

[\[11\]](#) Лукреций. О природе вещей / Пер. Ф.А. Петровского, вступ. ст. В.Ф. Асмуса. М.; Л.: Academia, 1936. Цит. по: Макаренко А.С. Книга для родителей. М.: Педагогика, 1988. С.

150.

[12] На российских прилавках
появились пельмени «Сталинские
нежные» // NEWSru.com. 12.03.2008
(<http://www.newsru.com/russia/12mar2008/pelmeni.html>).

Ключевые слова:

Макаренко, сталинская эпоха, советская
личность, педагогика